

кой жители города попадали в списки освобожденных от платы поземельного сбора «по бедности». Однако и столь скромная поддержка вызывала благодарность у городского населения.

Примечания

¹ Полн. собр. законов Российской империи. Собр. I. (ПСЗ I). Т. 16. С. 790–791. № 12175, Т. 20. С. 536. № 14628; С. 807–810. № 14859, ПСЗ. Т. 25. № 19052, 19099. С. 772–773 и др. См. об этом подробнее: Соколов А.Р. Благотворительность в России как механизм взаимодействия общества и государства (начало XVIII — конец XIX вв.). СПб., 2006. Гл. III. 2–3, 5, IV.1.2.

² Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 316. Оп. 1. Д. 38; Ф. 82. Оп. 1. Д. 13. Л. 265., Д. 16. Л. 89–89 об.

³ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 8. Оп. 1. Д. 137. Л. 196.

⁴ ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 147. Л. 4.

⁵ См., напр.: ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 147. Л. 30–32 об., 133 об.–137 об. и др.

⁶ Там же. Л. 30.

⁷ Там же. Л. 32 об.

⁸ Там же. Л. 33–34.

⁹ Там же. Л. 5, 19.

¹⁰ Там же. Л. 51.

¹¹ Там же. Л. 5, 78 об.

¹² Там же. Л. 19, 32.

¹³ ПСЗ I. Т. 28. № 21778. С. 1067.

¹⁴ ПСЗ I. Т. 29. № 22399. С. 954.

*Ю.В. Казанцева
(Каменск-Уральский)*

ПРЕСТУПНОСТЬ В УРАЛЬСКОМ ГОРОДЕ ПЕРИОДА НЭП

Современные исследователи отмечают, что в течение многих лет история советского города изучалась упрощенно, особенно это коснулось сферы девиантного поведения. В то же время уровень и динамика социальных девиаций могут дать объективную оценку состояния общества.

Девиантным поведением сегодня считают «поведение и действия индивида, которые не соответствуют официально установленным или фактически сложившимся в данном обществе (социальной группе) нормам и ожиданиям и приводят субъекта к изоляции, лечению, исправлению и наказанию». К основным формам девиантности относят преступность, алкоголизм, наркоманию, бродяжничество, проституцию, суицид¹. Отношение Советского государства и общества к подобным формам поведения неоднократно менялось, было противоречивым.

Одна из форм девиантности — преступность, которая определяется как сложное социальное явление. Она характеризуется мерой общественной опасности и наказуемости уголовным законом. Уже в XIX в. преступность была одним из наиболее изучаемых объектов для социологов, юристов, психологов. Социологический подход, сложившийся в дореволюционной криминологии, предоставил возможность исследовать взаимосвязь между общественными и экономическими процессами, дать социально-демографическую и психологическую характеристику преступного мира. Вопросы антисоциального поведения привлекали внимание русских психиатров А.У. Фрезе, В.Ф. Чиж, П.И. Ковалевского, С.А. Суханова, С.П. Сербского.

Эти исследования не утратили актуальности в первые десятилетия XX в., так как в России наблюдался рост преступности. За 1914–1918 гг. преступность в Москве

возросла в 3,3 раза в сравнении с предвоенным периодом. После Гражданской войны деятельность преступных элементов значительно активизировалась. Тяжелое экономическое положение, разруха сопровождались голодом 1921–1922 гг., что повлияло на рост преступности практически во всех регионах России, особенно в крупных промышленных центрах. Урал не стал исключением. По подсчетам И.В. Нарского, каждые 2 из 5 преступлений в Уральской области совершались в Екатеринбурге и его уезде².

В 1922 г. Екатеринбургская и Челябинская губернии, как и Воронежская, Витебская, Курская, считались районами, где наблюдался наибольший рост уголовных дел³. Положение усугублялось тем, что вооружения и людских ресурсов советской милиции было недостаточно, чтобы активно противостоять криминалу. Например, в Челябинской губернии на территорию в 127 кв. км с населением до 2 тыс. чел. приходился один милиционер. В июне 1921 г. Невьянский комитет партии просил прислать хотя бы один велосипед и снабдить оружием, годным к употреблению⁴.

Среди видов правонарушений в Челябинске, городах Екатеринбургской, Пермской губерний преобладали кражи: в 1921–1922 гг. их удельный вес среди других преступлений возрос до 70 %⁵. Во многих крупных городах страны сложилась похожая ситуация. В Петрограде лица воровской профессии совершали до 70 % всех преступлений. Количество краж по сравнению с 1920 г. возросло в 3 раза⁶.

В 1922–1923 гг. серьезную опасность для городских жителей продолжали представлять бандитские группы. Вооруженные налеты на квартиры совершались, например, под предлогом покупки вещей по объявлениям и сопровождались убийствами. Газеты тех лет нередко сообщали об убийстве целых семей по корыстным причинам. Тем не менее в 1924–1925 гг. в городах Уральской области по «беспорядки и бандитизм» было осуждено только 32 и 14 чел. соответственно (доля осужденных за беспорядки и бандитизм составила 1 % в 1924 г., 0,6 % в 1925 г.), тогда как за кражи было осуждено более 3-х тыс. чел. По категориям преступлений преобладали имущественные преступления, за которые наказанию подверглось чуть менее половины всех осужденных в городах⁷. В последующие годы эта тенденция сохранилась. В 1925/26 гг. в Свердловском округе Уральской области преобладали имущественные преступления — 5349 дела (39,6 % от общего количества преступлений). Раскрыто было более половины уголовных дел — 57,7 %. Преступления против личности составили 33,8 %, их раскрываемость доходила до 70,5 %. Далее числились хозяйственные и должностные преступления (в совокупности составляли 16,9 % от общей цифры)⁸.

Криминальная статистика 1927–1929 гг. показывает, что рост продолжался по всем категориям правонарушений. Во второй половине 1926 г. резко обозначился рост хулиганства. Эти цифры объясняются не только криминализацией общества, но и началом антихулиганской кампании (постановление ВЦИК от 7 июня 1926 г.). Уголовный кодекс 1922 г. квалифицировал хулиганство как уголовное преступление, которое наказывалось либо принудительными работами, либо лишением свободы на срок до года. В 1924 г. хулиганство понималось как «административный деликт», и лишь повторное хулиганское действие каралось лишением свободы на срок до 3 месяцев. В 1925–1926 гг. наказания за хулиганство ужесточились — повторные нару-

шения, совершаемые с особой дерзостью, влекли за собой тюремное заключение сроком до 2 лет. Статистика подобных правонарушений стала собираться с 1925 г.

ЦСУ обозначило хулиганство как особое преступление для разработки в комбинационных таблицах статистики осужденных, а с октября 1925 г. это преступление стало выделяться в отчетности органов дознания. За период, охвативший осень 1925–1926 гг., возникло около 140 тысяч дел. Хотя по переписи 1926 г. в городах и городских поселениях РСФСР проживало всего 17 % населения, но из общего числа осужденных за хулиганство на горожан приходилось 42,6 %. Интенсивность хулиганства в городах была выше, чем в сельской местности, поэтому хулиганство можно считать скорее городским правонарушением. Данные по 12 районам РСФСР позволили выделить территории, где процент городского населения был выше среднего. К таким территориям относился и Урал, который занял 4 место по количеству городского населения (20,6 % городского населения в районе по переписи 1926 г.). Здесь и процент хулиганства был выше среднего. В 1924 г. преступления против порядка и управления были на втором месте по значимости среди всех видов преступлений, совершенных в Уральской области. В тот период за нарушение правил, охраняющих публичный порядок в городах Урала, наказанию подверглись 1085 чел. (35 % от общего количества преступлений против порядка управления), в 1925 г. — 701 чел. (27 % соответственно)⁹.

Чаще всего в этих правонарушениях обвинялись молодые люди в возрасте 20–24 лет, тогда как в городах дореволюционной России общественный порядок чаще нарушали лица в возрасте от 30 до 45 лет. Социальное положение советских хулиганов также определено: чаще всего это малоквалифицированные рабочие, познакомившиеся с алкоголем в возрасте до 22 лет (соотношение между рабочими и служащими равнялось 8 к 1, тогда как в обществе эти группы соотносились как 2 к 1)¹⁰. В 1925 г. рабочая молодежь составляла около $\frac{3}{4}$ всех хулиганов. Неприятие «мещанского быта», презрение к «буржуйскому обиходу» породили новые социальные образы — это «свой парень» городских окраин, в брюках «клеш», завсегдатай пивных. Насколько этот социальный тип был распространен в городах, можно судить по газетным заметкам, письмам читателей. Так, в газете «На смену!» рассказывалось, что на окраинах поселка Чусовой гуляют «чемпионы» — «рослые, широкоплечие парни, с хорошо развитой мускулатурой, невзрачным лицом на бычачьей шее, диким неукротимым характером». Под гармошку поют с матом и присвистом частушки. Эти ребята популярны в молодежной среде, ведь огромная физическая сила, бесстрашие вызывают восхищение. Жутко ходить по таким темным переулкам окраин, так как «увесистый кулак, свинцовая перчатка или финка подстерегают прохожего». На молодежных вечеринках «чемпионы» часто руководили мероприятием, «забирая девчат и гармониста, открывая свои танцы», что заканчивалось поножовщиной. Авторы статьи считали, что пора с помощью комсомола развенчать «романтический ореол» «чемпионов», вовлечь в активную общественную жизнь молодежь городских окраин¹¹.

Появлялись полукриминальные группировки молодежи. Так, из Тагильского округа сообщали о «Котовском комитете». Девушек здесь называли кошками, юношей — котами. «Ни одна девушка не пройдет мимо, чтобы ей не смянули или не

бросили парочку сальных словечко». В Златоусте было образовано «ОДН» — «общество долой невинность»¹².

«Опасными» в городах были места значительного скопления людей — театры, кинотеатры, клубы, сады, базары. К концу 1920-х гг. хулиганство в столицах и крупных городах пошло на убыль, что связано было с уменьшением количества беспризорных, появлением сети культурно-просветительных учреждений, усилением репрессивных мер. Но, официально борясь с хулиганством, государство провоцировало молодежь на совершение хулиганских выходов (праздники «антирождества», выступления против политических противников).

В статьях Н. Семашко, М. Исаева, Д. Родина, исследовавших проблему хулиганства в Советской России, одной из причин правонарушений было названо пьянство («пьянство — мать хулиганства»). Согласно статистическим данным 1920-х гг., до 77 % правонарушений было совершено в нетрезвом состоянии¹³.

Еще в дореволюционной России исследование медицинских проблем алкоголизма привело к широкому социологическому анализу этого явления. В 1920-е гг. изучением этой проблемы занимались Ф. Невзорова, Т. Синкевич, З. Изразлсон, А. Шоломович. В 1928 г. вышла в свет книга Р. Влассака «Алкоголизм как научная и бытовая проблема», через год — книга Э. Дейчмана, посвященная той же теме. Журнал «Административный вестник» публиковал данные о статистике производства и потребления алкоголя, последствиях пьянства.

Хотя «сухой закон» был отменен только 28 августа 1925 г., начало 20-х гг. отмечено неуклонным ростом потребления алкогольных напитков. В Ленинграде в 1922–1923 гг. было выпито 3 млн 260 тыс. ведер пива, в 1926–1927 — уже 7 млн, то есть потребление пива возросло в 2,1 раза. Это утверждение справедливо и в отношении потребления водки¹⁴. В августе 1921 г. Совнарком разрешил свободную выделку и продажу виноградного вина крепостью до 14°, а в декабре того же года — до 20°, чуть позже легальным напитком стал коньяк. Но к 1923 г. цены на самогон достигали 60 млн, а на вино или импортное шампанское — 14–200 млн руб.¹⁵ Несмотря на борьбу государства с самогонщиками, самогонный промысел развивался, так как приносил несомненную денежную выгоду и продавцу, и покупателю.

С начала 1920-х гг. на Урале также отмечен рост кумышско- и самогонварения. «Рабочее-Крестьянская Правда» Шадринска в 1925 г. писала: «На окраинах города идет пьянство, сопровождающееся хождением с гармоникой, похабными песнями, диким криком, хулиганством, драками, поножовщиной»¹⁶. Газета «Уральский рабочий» сообщала, что в Надеждинске на 20 тыс. населения имеются три пивные, в г. Кыштыме пьет 10 % населения¹⁷. Выходные дни, религиозные праздники не обходились без попойек.

В 1923 г. в Екатеринбурге почти ежедневно выносились постановления о закрытии пивных. Известное в городе заведение («Шестая часть света», зарегистрированное при Союзе инвалидов, было закрыто как «очаг разврата и проституции, притон для уголовного элемента». 8 января 1925 г. в газете «Уральский рабочий» было помещено обязательное постановление облисполкома о мерах борьбы с пьянством и хулиганством. В нем, в частности, предлагалось воспретить продажу хлебного вина по воскресеньям и праздничным дням. В рабочие дни торговли хлебным вином разрешалась с 9 часов утра до 15 часов дня. Был установлен лимит продажи — не более

бутылки на человека. Уполномоченный Центроспирта по Свердловскому району отмечал, что эти запреты привели к созданию притонов¹⁸.

В первом квартале 1926 г. уральский рабочий тратил на алкоголь приблизительно 7 руб. 38 коп., в 1928 г. — 11 руб. 29 коп. За тот же период его траты на культурные расходы не выросли, колеблясь в пределах 1,5–1,6 % заработка. Различным было потребление водки рабочими и служащими. При схожем заработке — у рабочих около 106 руб. в месяц, у служащих — 113 руб., расходы рабочих семей на приобретение спиртных напитков были значительно выше. К тому же доля семей служащих, не употребляющих спиртное, была на порядок выше, чем семей рабочих. В 1926 г. спиртные напитки в месячном бюджете рабочего составляли 2,6 % расходов (2,23 черв. руб.) в бюджете служащего — 1,8 % расходов (1,79 руб.)¹⁹.

Согласно социологическим исследованиям 1920-х гг., касавшимся условий труда и быта рабочих Урала, начало употребления ими спиртных напитков относилось к 12-летнему возрасту. В категории «с 15 до 18 лет», шло нарастание числа пьющих. Число начинающих пить уменьшалось в группе молодежи, достигшей 21-летнего возраста. Из 205 пьющих 54 % пили регулярно, 7 % из них выпивали от 5 до 20 бутылок в месяц. Только 15 % обследованных рабочих никогда не употребляли алкоголь²⁰.

Более половины (52,9 %) рабочих государственного хромпикового завода в Екатеринбурге стали употреблять алкогольные напитки в возрасте от 16 до 20 лет. На время обследования 88 % рабочих были признаны пьющими. Причем многие из них начинали с самогона²¹.

В августе 1925 г. Президиум ЦИК СССР принял «Положения о производстве спирта и спиртных напитков и о торговле ими». Это решение правительства и его реализация вызвали рост пьянства по всей стране. Выпуск 40-градусной водки совпал с осенним призывом в Красную армию и сопровождался массовыми пьяными дебошами и драками в Московской, Ленинградской, Астраханской, Оренбургской губерниях²².

В записке ВСНХ СССР председателю уральского облисполкома от 20 января 1926 г. говорилось о высоких цифрах реализации водки в городах Свердловской губернии. По свердловскому району количество реализованной продукции было почти одинаковым в городе и деревне — по 50 %. Но в директиве СТО первоначально была задана более высокая цифра реализации водки в деревне — не менее 70 %, затем 85 %²³.

В июне 1926 г. ЦК ВКП(б) в тезисах «О борьбе с пьянством» наметил основные мероприятия, направленные на ликвидацию алкоголизма. Речь шла о принудительном лечении алкоголиков, антиалкогольной пропаганде, борьбе с самогеноварением. В сентябре того же года был издан декрет СНК РСФСР «О ближайших мерах в области лечебно — предупредительной и культурно — воспитательной работы по борьбе с алкоголизмом».

Пик антиалкогольной кампании пришелся на конец 1928 — начало 1929 гг., когда во многих крупных городах специальными постановлениями горсоветов была запрещена торговля спиртными напитками в праздничные дни. Но в 1920-е гг. проблема пьянства в советском обществе не только не была решена, оно обострилась без помощи государства. В уральских городах во второй половине 1920-х гг. на долю

продуктов питания приходилось 55 % в розничном товарообороте, на алкоголь — 19 %. Затраты на алкоголь в семьях рабочих и служащих значительно превышали сумму затрат на лечение, культуру и образование²⁵. С алкоголизмом тесным образом были связаны душевные болезни, а также проституция — одна из наиболее устойчивых форм девиантного поведения. Её сохранению способствовали нэп и рыночные отношения, семейный кризис и рождение новой морали, беспризорничество и «классовая вражда». Проблемы проституции, суицидального поведения горожан требуют дополнительного рассмотрения, что позволит полнее представить картину быта уральских городов в годы нэпа.

Примечания

- ¹ Ложкин А.И. Психология поведения девиантной личности. Екатеринбург, 2003. С. 14.
- ² Нарский И.В. Жизнь в катастрофе. М., 2001. С. 164.
- ³ Ежедневник советской юстиции. 1923. № 7–8. С. 153–154.
- ⁴ Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 76. Оп. 1. Д. 459. Л. 24, 48.
- ⁵ Нарский И.В. Жизнь в катастрофе. М., 2001. С. 164.
- ⁶ Павлов А.Н. Борьба милиции с преступностью в годы НЭПа // Вопросы истории. 2004. № 10. С. 141.
- ⁷ Социальная статистика Урала. Свердловск, 1926. С. 157–159.
- ⁸ Статистический справочник. Г. Свердловск и Свердловский округ. Свердловск, 1928.
- ⁹ Социальная статистика Урала... С. 156–157.
- ¹⁰ Родин Д. Главнейшие моменты в современном хулиганстве как массовом явлении // Хулиганство и хулиганы. М., 1929. С. 75–84.
- ¹¹ На смену! 1929. № 236. С. 3
- ¹² На смену! 1925. № 46. С. 5
- ¹³ Семашко Н. Алкоголизм и хулиганство // Хулиганство и хулиганы. С. 7–10.
- ¹⁴ Лебина Н.Б. Пала, отдай деньги маме // Родина. 1996. № 12. С. 70.
- ¹⁵ Курукин И.В., Никулина Е.А. Жизнь русского кабака от Ивана Грозного до Бориса Ельцина. М., 2007. С. 383
- ¹⁶ Рабоче-Крестьянская Правда. 1925. 20 февр. С. 4.
- ¹⁷ Уральский рабочий. 1922. № 165. С. 5
- ¹⁸ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 4. Д. 27. Л. 132.
- ¹⁹ Труд в Свердловском округе. 1926–1927 гг. Свердловск, 1927. С. 70–71.
- ²⁰ Доберер О.Р. Опыт изучения социально-бытовых и экономических условий жизни рабочих Верх-Исетского завода «Красная кровля» в 1926 г. // Труд и здоровье мартовских рабочих Верх-Исетского завода «Красная кровля». Свердловск, 1928. С. 105, 106.
- ²¹ Труд и здоровье рабочих государственного хромпикового завода. Свердловск, 1930. С. 55–56.
- ²² Курукин И.В., Никулина Е.А. Указ. соч. С. 390.
- ²³ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 4. Д. 27. Л. 130.
- ²⁴ Государственный архив Шадринска (ГАШ). Ф. 647. Оп. 1. Д. 31. Л. 12.
- ²⁵ Ульянова Г.Н. Изучение социальных аномалий, благотворительности и общественного призрения в России. М., 1996. С. 81.

*М.С. Каменских
(Пермь)*

ТАЙНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ КИТАЙЦЕВ НА УРАЛЕ В ГОДЫ I МИРОВОЙ ВОЙНЫ

История китайцев в России долгое время не становилась предметом для исследования. Рассматривались лишь отдельные фрагменты их пребывания в нашей стране. И только в конце 1990-х — начале 2000-х гг. вышло сразу несколько монографий, посвященных комплексному изучению истории китайцев в России¹. Авторы этих работ заложили методику изучения истории китайцев в нашей стране, что позволяет